Мне остается сделать несколько замечаний о причинах сокращения оды «Вольность». Полный текст оды «Вольность» заключает 54 строфы, или 540 стихов; в «Путешествии» же помещено лишь 178 стихов, т. е. меньше трети всей оды; остальные строфы заменены пересказом. Не считая случаев, где из отдельных строф, сопровождавшихся комментарием, все же приводилось 1, 3, 4 стиха, полному пересказу подверглось 27 строф; если учесть, что всего в «Путешествии» упоминается лишь 50 строф из 54, получим, что больше половины оды подверглось пересказу и только 14 строф помещены целиком. Укажу примеры пересказа: содержание с 24 по 34 строфы излагается так: «В следующих одиннадцати строфах заключается описание в парстве свободы и действия ее, то-есть сохраниость, спокойствие, благоденствие, величие. . .»; в том же духе следуют и другие пересказы — коротко, выразительной фразой передается содержание больших строф. Говорить о самостоятельности — идейной и композиционной — оды «Вольность» в том виде, как она изложена в «Путешествии», нельзя. Повидимому, именно необходимость лишить оду

С проворством несказанным, вложив пистолет в рот, спустил взведен-

ный курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стона.

⁻ Благодарю тебя за предлагаемую услугу, но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что несчастный случай причиною, что рука моя уязвлена, но заряд не ей был определен, а сюда (указывая лоб), признаюсь, робость и недовольное, может, размышление о мужественности виною тому, что выстрел был неудачен, в пользу мне послужит, ибо я не робею. — Я хотел было воспользоваться болезнию его и спасти его от отчаяния, выхватил у него из руки пистолет. — Сей отдам тебе непрекословно. Но не трудись тщетно о мне. Вот другой, да и сам отойди подалее (устремляя на меня), если желаешь мне не мешать. На что жизнь тому, кому она стала в тягость? На что она, коли нет в ней более приятностей? Я родился в изобилии, возращен в неге, не ведал нужды николи, был почитаем, отличен и в уважении; касался, казалося возкраия сосуда сладостей, любил и был любим. Но все сие исчезло яко прах и сон. — Нищ, презрен, в горячности моей, уготован на поругание, что остается делать тому, кто лишен и надежды. Не шевелись, — потряс он с угрозою своим смертоносным орудием, — ежели не хочешь быть моим предтечею в смерти. — Отчаянному сему движение мое при последнем его изречении казалося, что я хочу его лишить последнего его убежища. — Конечно, злой дух тебя направ. . . (ўтрачены дальнейшие два листа) и от того, что сердце е го терзается мздою, а не добрым именем. К нареканию общему ухо е го привыкло; к общему к нему мерзению присовокупится телько мерзение судии его. Но похититель казны нередко бывает любим в обществе всеми, имеч сам к себе нелестное почтение, казнится единою мыслию потерять общее уважение. Для сохранения сего ты меня здесь видишь. Ведаю, что Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ви от кого; ведаю, что Филипп Орлеанский, вводя бумагу на пособие деньгам, ограбил Францию, но не был казнен. Ведаю, что султан турецкий удавлял богачей, когда имеет нужду в деньгах и преступником не почитается. Но что мне в примерах. Добро на сем свете не есть добро само по себе, но добро в отношении. Мое блаженство теперь еще в моих руках; дабы и ты не был жесток, сохраняя еще мне жизнь...

Я с поспешностью удалился от сего полоумного, и въезд мой в Москву был скорбен.

Москва! Москва!» (Путешествие из Петербурга в Москву. Изд. Асаdemia, 1935, т. II стр. 295, варманты).